

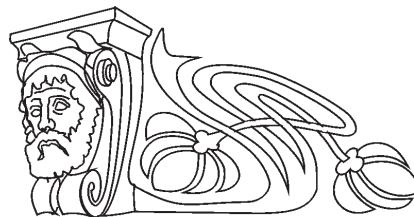

УДК 316.6

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЛИЧНОСТИ КАК СУБЪЕКТА СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ

Шамионов Раиль Мунирович

доктор психологических наук, профессор,
заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития,
Саратовский государственный университет
E-mail: shamionov@mail.ru

В статье обсуждается проблема субъективного благополучия личности как субъекта социального бытия. Рассмотрены различные бытийные пространства личности и со-бытие как сфера порождения критериально-нормативной основы благополучия. Анализируются ценностно-смысловые основания, опыт как источник переживания благополучия. Отмечается, что соотношение характеристик личности и субъекта обуславливает качественное содержание субъективного благополучия. Важная роль в формировании субъективного благополучия личности отводится процессуальности бытия. Сделан вывод о необходимости анализа стабильных и ситуативных характеристик субъективного благополучия личности, соотносенных со временем жизни человека.

Ключевые слова: субъект, личность, бытие, субъективное благополучие.

Проблема субъективного благополучия личности по праву занимает одну из центральных позиций в современной социальной психологии. Это связано с возрастающим запросом к науке в определении психологической картины данного явления, механизмов его формирования, способов достижения. Научный интерес к нему обусловлен рядом объективных обстоятельств, среди которых ведущее место занимает расширение бытийных пространств личности, возрастающих возможностей, а также противоречивая динамика «ощущения счастья», которое «ускользает» вместе со смысловой определенностью. В зарубежных изданиях идет оживленная дискуссия относительно различных его составляющих и особенностей в различных обстоятельствах индивидуальной жизни и групповых (межгрупповых) отношений. Количество публикаций, посвященных проблеме благополучия, растет из год в год, но по преимуществу это эмпирические работы. Вместе с тем специалисты разных стран, изучающие субъективное благополучие личности, приходят к выводу о необходимости теоретических исследований, способных выйти за пределы частных случаев оценки субъективного благополучия на уровне межгрупповых (или даже межнациональных) сравнений.

Цель данной статьи – провести теоретический анализ субъективного благополучия личности в аспекте ее социального бытия и бытийных пространств. Субъективное благополучие является своего рода внутренним мерилем, крите-

рием и регулятором бытия субъекта, в котором сходятся его цели, программы и их реализация. Поскольку человек – существо социальное, обладающее личностностью, его цели и сценарии жизни обеспечены всей историей существования человечества и взаимодействием с Другими в микро- и макросоциуме в репрезентированном им виде. Поэтому субъективное благополучие всегда связано с социальными установками, представлениями, долженствованиями и другими характерными для социализированного человека явлениями. Будучи субъектом социального бытия, личность способна интегрировать множество собственных проявлений и объективных обстоятельств своей жизнедеятельности. При этом, невзирая на определенные различия эмоционально-оценочного отношения в реализации себя в различных бытийных пространствах, имеются инвариантные составляющие, обеспеченные эффектами социализации. Изучение субъективного благополучия личности осложняется ввиду сочетанности этих переменных – достаточно устойчивой стратегии оценки (атрибуции причин и результатов бытия) и собственно бытийных отношений, обеспеченных субъектной позицией (уровнями субъектности), субъектными свойствами, рефлексивными механизмами и т.п. Между тем имеются и определенные трудности в соотношении бытийных пространств, которые не могут быть признаны равнозначными (равноценными) для субъекта и в разной степени определяют психологическую картину субъективного благополучия. Кроме того, целостное переживание жизни и дискретные оценки различных явлений жизни могут в значительной степени расходиться.

Как известно, способность человека инициировать свою активность, определяя и расширяя бытийные пространства, является важнейшим свойством субъекта. В то же время выстраивание жизнедеятельности и социальных (и социально-психологических) отношений требует сосредоточения на целевых, процессуальных и результирующих характеристиках активности, ее регуляции (саморегуляции). В действительности эмоционально-оценочное отношение к

своей активности, взаимоотношениям, себе (самореализации) и в целом к жизни является, с одной стороны, индикатором ее успешности, а с другой, выступает ее своеобразным побудителем. Субъективное благополучие – интегральное динамичное образование; оно не предполагает одновременности положительных векторов во всех областях активности, характеризуется диахронностью различных составляющих, но при этом образуется за счет определенного критического накопления и рефлексии опыта. Соответственно, оно есть результат соотносительности личности и субъекта. Поэтому весьма продуктивным, на наш взгляд, в исследованиях субъективного благополучия является субъектно-бытийный подход (В. В. Знакова, З. И. Рябикиной и др.), в соответствии с которым в центре внимания оказываются смысловые образования, выражающие ценностное отношение субъекта к миру. При этом особое значение придается соотносительности знания о мире с ценностными представлениями о должном [1]. Эти представления формируются благодаря социализации личности, интеграции различных внешних по отношению к ней предписаний, что не уменьшает роли субъектности, а, напротив, «характеризует человека как *субъекта жизни* (курсив мой. – Р. Ш.) со стороны социальной компетентности» [2]. Личность понимается как не замкнутая внутренним, а включает «внешние по отношению к психике объективные пространства явлений, реорганизуемые ею, в соответствии со структурой ее смыслов» [3, с. 55]. В этом смысле объективные условия бытия задают меры пространств, в которых развивается и реализуется личность, и соответствующие им качественные уровни притязаний.

Определяющим в формировании субъективного благополучия является соотношение цели и результата активности, что происходит за счет рефлексии. Было бы крайне опрометчиво утверждать, что рефлексия любого уровня способна в достаточной степени обеспечить адекватность этого соотношения, поэтому возможны различные варианты субъективного благополучия, порой, казалось бы, не имеющего объективного подкрепления в виде согласования этих инстанций. Кроме того, Е. А. Сергиенко характеризует согласование задач личности и интегративных возможностей субъекта психологической зрелостью человека [4]. Иначе говоря, чем в большей степени субъективное благополучие личности основано на согласованности инстанций, тем в большей степени можно говорить о психологической зрелости человека вообще. На разных уровнях социализации личности возможны различные качественные уровни осмысленности и рефлексии в соответствии с тем социальным знанием,

тем уровнем опыта, которым субъект обладает в настоящем, т.е. имеются значительные ограничения, связанные с социализацией в различных условиях. Поэтому субъективное благополучие у лиц, принадлежащих различным культурам (субкультурам), странам, может быть одинаковым по степени, но отличным по качественному основанию. Это является одной из основных преград для межгруппового сравнения его уровней. В соответствии с теорией самодетерминации [5] субъективное благополучие также понимается как «полноценное функционирование» личности в социальном пространстве, однако его критерии недостаточно ясны. Вопрос о «достоверности» субъективного благополучия также остается вне исследовательского внимания, что связано со сложностью операционализации критериев согласований инстанций.

Ценностное отношение к миру, своему бытию (в том числе интеграция отношений к различным его аспектам, «пространствам») формируется на уровне постоянной «сверки», преломления усвоенного, понятого, принятого, пережитого и предписанного, ожидаемого, требуемого, объективно заданного (учитывая и результаты активности самого человека). Отметим, что субъективное благополучие складывается не только из отношения к внешнему объективному результату активности, но и ее внутренним эффектам в виде самоотношения, самооценки, целостности. Применительно к изучению субъективного благополучия личности это предполагает изучение не только (и не столько) прямой оценки удовлетворенности жизнью или «уровня счастья», но, прежде всего, представлений о соотносительности жизненных событий, их цепочек и целостного бытия с ценностно-смысловыми образованиями, хотя бы в понимаемом (осознаваемом) их виде. Такое исследование открывает перспективы анализа психологической картины субъективного благополучия, что само по себе важно для понимания содержательной организации этого явления, выявления тех образований личности, которые во многом определяются условиями социализации, ее ситуативного и глубинного традиционного, уходящего вглубь истории жизни и отношений многих поколений содержания. Последнее особенно важно в связи с различного рода процессами мобильности в обществах, а также взаимопроникновением культур (этнических, социодемографических и др.), в результате чего и происходит размывание границ определенности ценностей, их системные сбои и хаотичность, спутанность. Это накладывает особую ответственность на субъекта, способного к саморазвитию и самодетерминации, преодолению издержек своей социализации: вспомним

пророческие слова М. Мид о самостоятельном определении мировоззренческих, ценностных приоритетов субъектом в процессе своей социализации.

Важно отметить, что на протяжении длительного времени исследователи субъективного благополучия личности в большей степени стремились выделить факторы, условия и закономерности этого явления. Однако важным представляется понимание того, что это, прежде всего, переживание личности, основанное на его опыте, в отношении его опыта и порождения опыта. Поэтому представляется важным экзистенциальный план анализа, в соответствии с которым необходимо изучение «ценностно-смысловой позиции субъекта, оказывающей решающее влияние на формирование смысла фактов, событий» [6, с. 34]. Важнейшим с точки зрения понимания субъективного благополучия личности является соотношение обыденного и экзистенциального опыта. В. В. Знаков четко различает эти явления по ряду критериев: «наличие или отсутствие в структуре опыта метасистемной организации; ориентация на “субъективный” способ определения самого значимого, ценного для субъекта и на “объективный” выход за содержательные пределы ситуации, абстрагирование от ее конкретных обстоятельств, обобщение; оценка субъектом событий и ситуаций человеческого бытия либо как привычных, либо как критических, резко отличающихся от повседневных», отмечая тем не менее неразрывную связь двух видов опыта [6, с. 33–34]. Необходимо отметить, что в результате различных попыток осмысления феномена субъективного благополучия личности исследователи пришли к его пониманию, прежде всего, с позиций единства обыденного и экзистенциального опыта. Это связано с тем, что попытки оценки субъективного благополучия на основе каких-либо достижений (в том числе экономических) или объективных социальных показателей не увенчались успехом.

Речь идет о понимании субъективного благополучия как явления, базовой инстанцией которого выступает переживание опыта (и опыт переживаний). При этом опыт – это не только нечто случившееся, происходящее, но и потенциальное. Важное значение для субъективного благополучия принадлежит представлению о возможном, достижимом, соответствующем должному. Единство времен для субъекта здесь означает движение как в одном, так и в другом направлениях, что задает определенные векторы для переживания настоящего. Однако происходит не просто фиксация опыта, его отражение, но формирование отношения к этому опыту, соотнесение его с ценностно-смысловым статусом

личности. Установление связи между осязаемыми (воспринимаемыми) характеристиками бытия и ценностными установками, целями и есть основание субъективного благополучия, его динамики и валентности. Поэтому и исследования субъективного благополучия личности, чего бы они ни касались – динамики, различий, особенностей и т.п., – должны быть связаны с изучением, как говорил В. Франкл [7], его предметной соотнесенности, т.е. в соответствии с контекстом этого опыта, с целями и ценностно-смысловыми характеристиками личности. Между тем необходимо отметить и то, что на разных этапах жизненного пути этот контекст различен, поскольку в процессе социализации меняются и цели, и ценности, и потребности: например, в одних случаях – это отношения с Другими, в других – профессиональная деятельность, в третьих – жизненные планы и т.п. Очевидно, и переживание благополучия проходит ряд этапов – от ранних, когда оно практически смыкается с эмоциями и непосредственно регулирует поведение, до зрелости, когда опосредуется ценностно-смысловой сферой, и далее, где практически смыкается с экзистенцией.

В. Франкл утверждал, что стремление к счастью делает его объектом внимания человека и тем самым он теряет из виду причины для счастья и оно ускользает [7, с. 56]. Однако в реальности стремление к счастью не означает для субъекта стремления к переживанию его, а скорее – к достижению тех критериальных оснований счастья, которые имеются в представлениях субъекта, соотнесенные с ценностно-смысловыми инстанциями личности. Иначе говоря, стремление к счастью означает как раз стремление к достижению этих довольно четких или размытых целей. Субъективное благополучие же континуально, поэтому всегда имеется определенный его локус, характеризующийся изменением.

Одним из важнейших обстоятельств в переживании субъективного благополучия является то, что оно вовсе не предполагает лишь отсутствие объективных трудностей или страдания. Это связано с тем, что главным его основанием выступает отношение человека к этим обстоятельствам, установление тонкой, а порой и не вполне осознанной связи с наиболее важными целями, долженствованиями или даже мистическими инстанциями личности. Поэтому любые попытки увязать субъективное благополучие личности с какими-либо разделяемыми большинством ценностями, смыслами и т.п. не представляются достаточными. Различные группы, пребывая в идентичных обстоятельствах, очевидно, вырабатывают свой уникальный подход

к переживанию благополучия. В этом отношении субъективное благополучие представителей разных групп (например, в условиях одной страны) может в значительной степени расходиться не только и не столько по уровню, а по основаниям, критериям, во многом вырабатываемым групповым субъектом. Это связано со сходством бытия и условным совпадением бытийных пространств различных субъектов в объективно одинаковых или близких условиях. В исследовании, проведенном нами, было показано, что представители различных профессиональных [8], этнических [9] групп характеризуются не только различными уровнями субъективного благополучия, но и формируют особые ценностно-смысловые системы, сквозь призму которых преломляются субъективные оценки собственной жизни. Это же относится и к ситуации межпоколенных различий [10].

Обратимся, однако, к вопросу о переживании благополучия в неблагоприятных условиях бытия. В результате различных исследований было доказано, что, действительно, субъект может переживать благополучие в условиях трудностей, касающихся удовлетворения базовых потребностей и даже испытываемых страданий, но в этом случае имеются различные механизмы перестройки ценностно-смысловой системы. Так, например, было показано [11], что в условиях бедных стран ранг высшей ценности приобретают еда, вода и др., связанные с удовлетворением первичных потребностей. Иначе говоря, культурно заданные ценности и должностования дополняются, а порой и творчески перерабатываются в актуальных условиях бытия. Поэтому фрустрация одних сфер замещается удовлетворенностью других, и за счет перестройки системы благодаря изменению отношения субъективное благополучие восстанавливается.

Таким образом, в различных бытийных пространствах субъект реализует активность, сопряженную с определенными ценностно-смысловыми образованиями (об инвариантной составляющей которых мы ранее говорили). Пространство со-бытия в этом отношении является особым. Главной характеристикой этого пространства является выстраивание отношений с другими субъектами (а также опосредованно ими – и отношением к себе). Поскольку важнейшей составляющей жизни человека как социализированной личности является выстраивание отношений с Другими, эта сфера субъективного благополучия становится наиболее напряженной. Как отмечает З. И. Рябикина, со-бытие – это «бытие личности в присутствии Другого, под влиянием Другого», включая ее «столкновение с сопротивлением бытия других людей, воплощающих иные смыслы, создающих свое

личное бытие в пространстве тех же предметов и событий и в то же время» [12, с. 46]. Соответственно, в различных формах со-бытия с Другим возникает и личное отношение. При *интеграции* личностных отношений (мое к другому, другого ко мне, мое представление об отношении ко мне другого и его представление о моем к нему отношении), подчеркивает К. А. Абульханова, личность проявляет свою субъектность в способе их упорядочивания при соединении в целое, включая решение противоречий, возникающих между некоторыми из них [13]. Поэтому неминуемо эта интеграция приводит к формированию неустойчивого субъективного благополучия, *что становится, в случае выхода его локуса за пределы оптимальности, движителем активности*. Здесь необходимо отметить, что не всякая активность является условием субъективного благополучия (и это требует отдельного анализа), кроме того, взаимосвязь активности и субъективного благополучия имеет свои особенности в разных культурно-специфических условиях [14].

Фрустрированность этих отношений и в целом со-бытия с Другими, пожалуй, больше всего влияет на переживание субъективного благополучия личности. Это связано, прежде всего, с тем, что Другой выступает изначально инстанцией себя, источником социальной и персональной идентичности личности. Социальное бытие, отмечает Т. Д. Марцинковская, связано с социальными переживаниями, которые отражают отношение человека к социальному окружению и своему месту в нем; становление образа «Я», осознание смысла индивидуального бытия человека корреспондирует с индивидуальными переживаниями, отражающими отношение к себе [15]. Соответственно, выстраивание отношений, где результат зависит в большей мере от способности личности учесть свою и чужую субъектность, сохранить свою идентичность, является основой успешности, конструктивности со-бытия и субъективного благополучия. Г. Г. Танасов отмечает, что чувство личностной идентичности служит индикатором психологического благополучия личности [16]. Однако столь же значима и определенность социальной идентичности личности; совершенно не случайно спутанность идентичностей ведет к переживанию субъективного благополучия и становится движущей силой к поиску и утверждению ответственности себя к какой-либо инстанции.

Между тем различные ипостаси со-бытия с Другим обладают неодинаковым потенциалом для реализации ценностей, что ведет к неравноценности эмоционально-оценочного отношения личности к ним. Важным аспектом субъективно-

го благополучия в процессе реализации личности в пространстве со-бытия с Другим является то, каким образом и за счет чего происходит балансирование между различными инстанциями личности – внутренними и внешними. Столкновение с бытием Другого предполагает согласование своей позиции с позицией Другого, своих инстанций личности с инстанциями Другого. С другой стороны, именно в пространстве со-бытия личность усваивает соответствующие характеристики должного, универсальные критерии благополучия, а также вырабатывает свои. Иначе говоря, со-бытийность личности с Другим является сферой социализации [17, 18] и обуславливает нормативно-критериальную основу субъективного благополучия. Вместе с тем анализ личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой», предпринятый Е. В. Рягузовой, позволил ей сделать вывод о том, что Другой может выступать в различных ипостасях, не только как «реальный Другой», но и «символический Другой» и «персонализированный Другой» [19]. В разных конфигурациях со-бытия происходит как присвоение норм благополучия, так и проекция, приписывание, атрибуция норм благополучности (или неблагополучности). Иначе говоря, в разных условиях со-бытия с Другим (например, в экзистенциально-культурной, социально-культурной или социально-экзистенциальной сферах – по Е. В. Рягузовой) качественное содержание субъективного благополучия имеет различия (порой весьма существенные). Поэтому для определения каких-либо устойчивых моделей субъективного благополучия особенно важно изучить не только собственно субъективные оценки целостного бытия, но оценки различных ипостасей (пространств) со-бытия с Другим для выявления наиболее значимых диспозиций; очевидно, стабильные диспозиционные и ситуативные эмоциональные компоненты субъективного благополучия, обладая разными конфигурациями в системе, определяют его уровень в настоящем.

Таким образом, исследования субъективного благополучия должны опираться на анализ процессуальности бытия, изучения не только эмоциональной оценки «текущего момента», прошлого или будущего, но, прежде всего, результатов той внутренней «работы» – осознания и осмысления, которая сопровождает важные и значимые явления бытия. Важно также отметить и то, что мера субъективного благополучия, его определение и влияние как на процессы осмысления, постижения значений своей и чужой активности, так и на качество своей собственной имеют различия в зависимости от места, занимаемого человеком на континууме своей жизни, своего личностного и субъектного развития. Поэтому для изучения

психологической картины субъективного благополучия необходимо привлечение когнитивного аппарата тех областей психологии, которые раскрывают характеристики развития человека как личности, субъекта и индивидуальности.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Структура и предикторы субъективного благополучия личности: этнопсихологический анализ» (грант №14-06-00250а).

Список литературы

1. Знаков В. В. Самопонимание субъекта как когнитивная и экзистенциальная проблема // Психологический журн. 2005. Т. 26, № 1. С.18–28.
2. Харламенкова Н. Е. Субъект и парадоксы его развития // Субъектный подход в психологии. М., 2009. С. 255–266.
3. Рябикина З. И. Личность как субъект формирования бытийных пространств // Субъект, личность и психология человеческого бытия. М., 2005. С. 45–57.
4. Сергиенко Е. А. Континуально-генетический принцип становления субъекта // Субъектный подход в психологии. М., 2009. С. 50–66.
5. Deci E. L., Ryan R. M. Intrinsic motivation and self-determination in human behavior. N.Y., 1985. 375 p.
6. Знаков В. В. Теоретические основания психологии человеческого бытия // Психологический журн. 2013. Т. 34, № 2. С. 29–38.
7. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. 368 с.
8. Шамионов Р. М. О некоторых преобразованиях субъективного благополучия личности в разных условиях профессиональной социализации // Мир психологии. 2010. № 1. С. 237–249.
9. Шамионов Р. М. Взаимосвязь стратегий поведения и субъективного благополучия представителей контактирующих этносов // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12, вып. 1. С. 79–83.
10. Григорьева М. В. Социальные представления о нормах и ценностях молодежи у представителей разных поколений // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2012. Т. 1, вып. 4. С. 8–12.
11. Copestake J., Camfield L. Measuring multidimensional aspiration gaps: A means to understanding cultural aspects of poverty // Development policy review. 2010. Vol. 28, № 5. P. 617–633.
12. Рябикина З. И. Субъектно-бытийный подход к личности как основание для интерпретации ее со-бытия // Личность и бытие : проблемы, закономерности и феноменология со-бытийности. Краснодар, 2012. С. 46–50.
13. Абульханова К. А. Социально-философская и психологическая проблема субъекта // Мир психологии. 2013. № 2. С. 262–275.
14. Бочарова Е. Е. Универсальные и культурно-специфические особенности взаимосвязи социальной актив-

- ности и субъективного благополучия личности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2013, Т. 2, вып. 4(8). С. 17–25.
15. Марцинковская Т. Д. Феноменология и механизмы развития : историко-генетический подход. Психологические исследования. 2012. Т. 5(24). 12 с. URL: <http://psystudy.ru>. 0421200116/0048 (дата обращения: 13.05.2013).
 16. Танасов Г. Г. Личность в переговорах: субъектно-бытийный подход : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Краснодар, 2011. 50 с.
 17. Шамионов Р. М. Социализация и ресоциализация личности : нормативность и процессуальность // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 3–8.
 18. Шамионов Р. М. Социализация личности : системно-диахронический подход // Психологические исследования : электронный научный журнал. 2013. Т. 6. № 27. С. 8. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 01.11.2013).
 19. Рягузова Е. В. Социальная психология личностных репрезентаций «Я – Другой». Саратов, 2011. 304 с.

Subjective Well-being of Personality as a Subject of Socialexistence

R. M. Shamionov

Saratov State University
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail: shamionov@mail.ru

The subjective well-being of the personality as a subject of the social being is discussed. The various existential space of personality and co-existence as a field criteria and normative basis of well-being are reviewed. The value-semantic basis, experience as a source of feelings of well-being are analyzed. It is noted that the ratio of personality characteristics and subject determine the qualitative content of the subjective well-being. An important role in shaping the personality's subjective well-being is the procedural aspect of existence. In the article is concluded that the analysis of the stable and situational characteristics of subjective well-being, correlated with the lifetime of the person is necessary.

Key words: subject, personality, existence, subjective well-being.

References

1. Znakov V. V. Samoponimanie subekta kak kognitivnaya i ekzistencialnaya problema (Subject's self-understanding as cognitive and existential problem). *Psikhologicheskii zhurnal* (Psychological Journal), 2005, vol. 26, no. 1, pp. 18–28.
2. Harlamenkova N. E. Subekt i paradoksy ego razvitiya (The subject and the paradoxes of its development). *Subektnyy podkhod v psihologii* (Subjective approach in psychology). Moscow, 2009, pp. 255–266.
3. Ryabikina Z. I. Lichnost kak subekt formirovaniya bytynykh prostranstv (Person as subject of being spaces). *Subekt, lichnosj i psikhologiya chelovecheskogo bytiya* (Subject, person and psychology human being). Moscow, 2005, pp. 45–57.
4. Sergienko E. A. Kontinualno-geneticheskiy princip stanovleniya subekta (Continually-genetic principle of formation of the subject). *Subektnyy podhod v psihologii* (Subject approach in psychology). Moscow, 2009, pp. 50–66.
5. Deci E. L., Ryan R. M. *Intrinsic motivation and self-determination in human behavior*. New York, 1985. 375 p.
6. Znakov V. V. Teoreticheskie osnovaniya psikhologii chelovecheskogo bytiya (Theoretical foundations for Psychology of human being). *Psikhologicheskii zhurnal* (Psychological Journal), 2013, vol. 34, no. 2, pp. 29–38.
7. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* (Human in search of meaning). Moscow, 1990. 368 p.
8. Shamionov R. M. O nekotorykh preobrazovaniyakh subektivnogo blagopoluchiya lichnosti v raznykh usloviyakh professionalnoy socializatsii (Some of the changes of subjective well-being in different conditions of professional socialization). *Mir psikhologii* (World of psychology), 2010, no. 1, pp. 237–249.
9. Shamionov R. M. Vzaimosvyaz strategiy povedeniya i subektivnogo blagopoluchiya predstaviteley kontaktiruyushchikh etnosov (Relationship between subjective well-being and behavior strategies of contacting ethnic groups). *Izv. Sarat. Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogics*, 2012. Vol. 12, iss. 1, pp. 79–83.
10. Grigoreva M. V. Socialnye predstavleniya o normakh i tsennostyakh molodezhi u predstaviteley raznykh pokoleniy (Social perception of the norms and values of young people of different generations). *Izv. Sarat. Univ. (N.S.), Ser. Educational Akmeology. Developmental Psychology*, 2012. Vol. 1, iss. 4, pp. 8–12.
11. Copestake J., Camfield L. Measuring multidimensional aspiration gaps: A means to understanding cultural aspects of poverty. *Development policy review*, 2010, vol. 28, no. 5, pp. 617–633.
12. Ryabikina Z. I. Subektno-bytiynyy podkhod k lichnosti kak osnovanie dlya interpretatsii ee so-bytiya (Subject-been approach to personality as a basis for interpreting the co-being). *Lichnost i bytie: problemy, zakonomernosti i fenomenologiya so-bytinosti* (Personality and being: problems, patterns and phenomenology of co-beingness). Krasnodar, 2012, pp. 46–50.
13. Abulkhanova K. A. Socialno-filosofskaya i psikhologicheskaya problema subekta (The socio-philosophical and psychological problem of subject). *Mir psikhologii*, 2013, no. 2, pp. 262–275.
14. Bocharova E. E. Universalnye i kulturno-spetsificheskie osobennosti vzaimosvyazi socialnoy aktivnosti i subektivnogo blagopoluchiya lichnosti (Universal and culturally-specific features of the relationship of social

- activity and subjective well-being of personality). *Izv. Sarat. Univ. (N.S.), Ser. Educational Akmeology. Developmental Psychology*, 2013. Vol. 2, iss. 4(8), pp. 17–25.
15. Martsinkovskaya T. D. Fenomenologiya i mekhanizmy razvitiya: istoriko-geneticheskiy podkhod (Phenomenology and mechanisms of development: historical-genetic approach). *Psikhologicheskie issledovaniya* (Psychological studies), 2012, vol. 5(24), p. 12. Available at: <http://psystudy.ru>. 0421200116/0048 (accessed 13 May 2013).
16. Tanasov G.G. *Lichnost v peregovorakh: subektno-bytinyy podkhod* (Personality in the talking: subject-being approach): avtoref. dis. ... d-ra psikhol. nauk. Krasnodar, 2011. 50 p.
17. Shamionov R. M. Sotsializatsiya i resotsializatsiya lichnosti: normativnost i processualnost (Socialization and resocialization of personality: normativity and processuality). *Izv. Sarat. Univ. (N.S.), Ser. Educational Akmeology. Developmental Psychology*, 2012. Vol. 12, iss. 4, pp. 3–8.
18. Shamionov R. M. Sotsializatsiya lichnosti: sistemno-diakhronicheskiy podkhod (Socialization of personality: systematic-diachronic approach). *Psikhologicheskie Issledovaniya* (Psychological studies), 2013, vol. 6, no. 27, p. 8. Available at: <http://psystudy.ru>
19. Ryaguzova E. V. *Social'naya psihologiya lichnostnykh reprezentatsiy «Ja – Drugoy»* (The social psychology of personal representations). Saratov, 2011. 304 p.